

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

DOI 10.24412/2076-8176-2026-1-96-102

О людях-полиматах и книгах-полиглотах¹

М.В. Винарский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН,
Санкт-Петербург, Россия; radix.vinarski@gmail.com

Монография М.Л. Сергеева, филолога-классика, работающего в Санкт-Петербурге, стала первой созданной на русском языке книгой, специально посвященной Конраду Гесснеру (1516–1656), одному из самых выдающихся и замечательных натуралистов раннего Нового времени в Европе. Гесснер известен как полимат, человек, проводивший исследования в нескольких областях знаний, от естествознания до библиографии. Рассматриваемая книга не является научной биографией Гесснера; ее охват и цели более узки. Тема ее — Гесснер как исследователь многообразия языков, их ревностный собиратель и (отчасти) систематизатор. Предметом исследования является особый жанр научной литературы, существовавший в раннее Новое время, так называемые книги-полиглоты. Они представляли собой каталоги всех языков, известных их авторам, и обычно содержали примеры текстов, написанных на этих языках. Хотя книга М.Л. Сергеева написана филологом и предназначена для филологов, она содержит множество деталей и наблюдений, которые могут представлять интерес для историков биологии. В частности, книга помогает нам лучше понять Гесснера как натуралиста, поскольку многие его исследовательские подходы в области лингвистики имеют явные параллели с его деятельностью в области естествознания. И в языкознании, и в биологии Гесснер был переходной фигурой, чьи исследовательские приемы и образ мысли сочетали классический и современный подходы. Благодаря книге Михаила Сергеева мы знакомимся с лингвистическими и библиографическими исследованиями Конрада Гесснера и одновременно лучше понимаем его стремления как исследователя флоры и фауны.

---

¹ Рецензия на книгу Сергеев М.Л. Музей языков. Конрад Гесснер и книги-полиглоты XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 256 с. (серия «История науки»). При цитировании из нее ссылки на конкретные страницы я буду давать непосредственно в тексте.

Ключевые слова: долинеевская систематика, наука Нового времени, классификация языков, история зоологии, история ботаники, история языкознания.

Великий классификатор трех царств природы, создатель бессмертной «Systema Naturae», Карл Линней прекрасно знал цену себе и своим трудам, и ложная скромность не входила в число его недостатков. Он искренне считал себя избранным «Провидением для того, чтобы разъяснить связи явлений, близость видов, группирование родов в отряды и т. д. как выражение плана Творца»². Современники называли его «князем ботаников», но он сообщал о себе самом (в третьем лице), что «Линней был более велик в зоологии, чем в любой другой области»³. Так постепенно сложился биографический миф о Линнее — «отце систематики», доживший и до наших дней. Е.Г. Бобров, автор единственной на русском языке более или менее полной научной его биографии, пишет: «бесспорно, однако, что наиболее ярким из исследователей XVIII в., которому научная ботаника и научная зоология *обязаны своим основанием*, был <...> Карл Линней»⁴ (курсив мой. — Прим. М.В.).

На самом же деле «научная ботаника и научная зоология» существовали задолго до Линнея. Знаменитый швед был «отцом» не систематики, а современной таксономической номенклатуры, т. е. системы правил, регулирующих то, как образуются научные (латинские или латинизированные) названия животных и растений и то, как ими оперируют в целях эффективной научной коммуникации. В области классификации Линней был не зачинателем, а завершителем долгой исследовательской традиции, включавшей десятки крупных имен западноевропейских натуралистов XV — первой половины XVIII вв. Его «Система природы» резюмировала огромный труд предшествовавших поколений, каждое из которых имело своих собственных «линнеев». Благодаря усилиям нескольких генераций историков биологии, начиная, наверное, с Агнес Р. Арбер (1879–1960) и ее классической монографии «Herbals, their origin and evolution» (первое издание — 1912 г., второе, дополненное — 1938 г.)⁵, сегодня мы знаем довольно много об этих предшественниках Линнея. Но магия личности и трудов uppsальского профессора настолько могучи, что натуралисты эти и по сей день пребывают в его тени. Об этом говорит хотя бы то, что рецензируемая мной книга является первой на русском языке⁶ монографией, посвященной Конраду Гесснеру (Геснеру), одному из самых интересных и ярких

² Бобров Е.Г. Карл Линней. 1707–1776. Л., 1970. С. 50.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 5. Упоминания о Линнее как «отце систематики» можно найти и у авторов XXI в. См., например, Müller-Wille S. Nature as a Marketplace: The Political Economy of Linnaean Botany // History of Political Economy. 2003. V. 35, No. 5. P. 154–172; Богуцкая Н.Г. Петр Артеди и Карл Линней — отцы-основатели системы рыб // Труды Зоологического института РАН. 2009. Прил. 1. С. 87–101.

⁵ Мне доступен репринт второго издания (1953 г.), в котором немало внимания уделено и К. Гесснеру.

⁶ Разумеется, в западноевропейской литературе представлены монографии о Гесснере и его трудах, в том числе научно-биографические исследования: Ley W. Conrad Gesner: Leben und Werk. München, 1929; Fischer H. Conrad Gessner (26. März 1516 — 13. Dezember 1565). Leben und Werk. Zürich, 1966; Leu U.B., Keller R., Weidman S. Conrad Gessner's private library. Leiden. 2008; Springer K.B., Konzalbach R.K. Das Vogelbuch von Conrad Gessner (1516–1565). Berlin-Heidelberg, 2009.

из долинныевских натуралистов-систематиков. Книга М.Л. Сергеева (рис.) увидела свет в 2025 г., почти 440 лет спустя после смерти ее героя.

Рис. Титульный лист монографии М.Л. Сергеева
Fig. Title page of M.L. Sergeev's monograph

Нельзя сказать, что отечественному читателю (в первую очередь имею в виду историков биологии и тех из биологов, кто интересуется прошлым своей науки) Гесснер совершенно неизвестен. Но известность его у нас, полагаю, значительно меньшая, чем он того заслуживает. Еще лет 60 назад советский студент мог узнать о нем из учебника по «дарвинизму» (под таким названием в середине XX в. в советских школах и вузах преподавался курс эволюционной биологии) следующее: «Одним из тружеников нового естествознания был Конрад Геснер, который собственноручно написал (так! — Прим. М.В.) целую библиотеку по природоведению»⁷. Из более серьезных источников знаний можно назвать компендиумы по истории систематики И.Я. Павлинова и Г.Ю. Любарского⁸, но и в них Гесснер и его сочинения теряются в череде из десятков имен натуралистов раннего Нового времени. Он — один из многих, а не центральный предмет изучения.

⁷ Дворянкин Ф.А. Дарвинизм. М., 1964. С. 29.

⁸ Павлинов И.Я., Любарский Г.Ю. Биологическая систематика: эволюция идей. М., 2011; Любарский Г.Ю. Происхождение иерархии: история таксономического ранга. М., 2018.

М.Л. Сергеев, автор исследования «Музей языков. Конрад Гесснер и книги-полиглоты XVI века», по образованию и научным интересам не биолог, а филолог-классик. Его книга также адресована филологам и историкам языкознания. Тема монографии — Гесснер как исследователь многообразия языков, их ревностный коллекционер и (частично) систематизатор. Предмет исследования — особый жанр научной литературы, сложившийся в раннее Новое время, так называемые книги-полиглоты. Они представляли собой каталоги всех известных их авторам языков, содержавшие, как правило, примеры написанных на них текстов. М.Л. Сергеев определяет полиглоты как особую «форму описания языкового многообразия» (с. 15). Гесснер был автором одного из таких справочников, получившего название «Митридат. О различиях языков» (1555).

Книга М.Л. Сергеева не является научной биографией Конрада Гесснера; в ней не найти даже даты смерти Гесснера и обстоятельств его кончины⁹. Автор сообщает о том, что работает над другим исследованием о своем герое, которое надеется окончить «в ближайшее время» (с. 63). Возможно, в этой новой книге жизнеописание Гесснера будет дано в полном объеме, но в рецензируемом издании основная тема — «Митридат», и биографические сведения об его создателе сообщаются ровно в той мере, чтобы обрисовать его интеллектуальное становление и проследить путь, каким Гесснер пришел к созданию своего языковедческого труда. Его сочинениям по зоологии и ботанике М.Л. Сергеев уделил лишь несколько страниц (с. 98–100) и охарактеризовал их с точки зрения филологического, а не естественнонаучного содержания. Впрочем, автор обещает, что в подготавливаемом им новом исследовании эти книги Гесснера будут рассмотрены в должном объеме.

Итак, чем и почему книга М.Л. Сергеева может быть полезна и интересна историкам биологии?

Я полагаю, что материалы, приводимые в монографии, ценны прежде всего тем, что помогают нам лучше понять личность и особенности научного творчества Гесснера-натуралиста, автора фолиантов о животных, в которых гуманистическая ученость и эрудиция соединялись с личным опытом естествоиспытателя. М.Л. Сергеев сосредоточен на лингвистических штудиях своего героя, но многие из приводимых им фактов и наблюдений имеют отношение и к трудам Гесснера в области естественной истории.

Гесснер жил и работал в счастливую эпоху, когда привычной нам узкой научной специализации еще не было, и в его лице филолог-классик, библиограф, натуралист, медик и языковед соединялись довольно гармонично. «Полевые исследования» животных и растений не мыслились без обращения к классическим авторам (Аристотель, Теофраст, Диоскорид и др.), и свои собственные наблюдения и описания натуралист XVI в. непременно помещал в контекст античной естественной истории, так как ощущал себя участником и продолжателем непрерывной традиции, идущей от древних. Гесснера и некоторых других его современников нынешние историки часто упрекают в наивности и легковерии на том основании, что в свои энциклопедии животного мира они включали описания явно вымышленных существ, таких как единороги. Но это вовсе не наивность, а сознательный литературоцентричный подход, и не случайно знаменитая гесснерова «История животных»

⁹ Он умер в Цюрихе во время эпидемии чумы в ночь с 13 на 14 декабря 1565 г. в возрасте 49 лет и 9 месяцев (Ley W. Conrad Gesner: Leben und Werk. S. 39).

рассматривалась его современниками как сочинение по филологии. В издательском каталоге оно шло под рубрикой «grammatica et rhetorica» (с. 95).

Но, как показывает М.Л. Сергеев, Гесснера-натуралиста нельзя считать библиотечным червем, знавшим описываемые им виды животных и растений исключительно из книг. Он получил медицинское образование и, как *medicus*, должен был хорошо знать прикладные аспекты ботаники (и иметь определенные представления о зоологии). Действительно, Гесснер получил обстоятельное знакомство со средиземноморской флорой и фауной во время учебы в университете Монпелье. Но было бы неправильно видеть в нем естествоиспытателя *par excellence*. Гесснер — типичный для эпохи Ренессанса интеллектуал-универсал (полимаг), проявлявший, помимо традиционных для гуманистов филологических интересов, ярко выраженное пристрастие к естественной истории.

Во многих отношениях это фигура переходная, тесно связанная с античной книжностью, но объективно вынужденная искать новые пути познания и формы его осмысления. Гесснер принадлежал к тем поколениям натуралистов, которые поняли, что обитаемый мир гораздо шире, чем ойкумена греческих и римских авторов. Колумб уже открыл Америку, а европейские натуралисты на опыте убедились, что с помощью Теофраста или Плиния им не разобраться с флорой северной Европы, не говоря уже о заморских странах. Описание мира надо было продолжать с того места, на котором остановились древние. В XVI в. начинаются дальние ученые путешествия. В книге М.Л. Сергеева можно найти немало параллелей между «собирающими языков» в раннее Новое время и коллекционерами экзотических животных и растений. Так, одной из функций книг-полиглотов было знакомство европейцев с восточными языками, доселе им почти неизвестными (за исключением древнееврейского). Филологи XVI в. обнаружили, что многообразие человеческих языков не ограничивается тремя классическими (греческий, латинский, еврейский) и даже их родными языками, которые попадали в разряд «варварских». Постепенно в их поле зрения оказались и «языки далеких земель, ставших объектами европейской колонизации. Чтобы получать сведения о языках и диалектах, обойденных вниманием классической традиции, требовалось совершать путешествия, работать с информантами, обмениваться письмами с другими учеными, читать документы, хранящиеся в архивах» (с. 12).

В середине XVI в. французский философ, языковед и картограф Гийом Постель совершает путешествие на Восток, где прилежно коллекционирует восточные языки. Примерно в те же годы подобный коллекторский вояж совершает другой француз, Пьер Белон, один из основателей современной зоологии. Гесснер так далеко не ездил, но вел ученую переписку с коллегами из разных стран, получая от них разнообразные сведения, что позволяло ему составлять практически одновременно каталоги и человеческих языков, и флоры и фауны. Тексты на неизвестных науке языках, приводимые в книгах-полиглотах, «представляли значительную новизну и были предметом гордости авторов, демонстрировавших таким образом свои коллекции редкостей» (с. 50). С такой же гордостью натуралисты того времени наполняли экзотическими диковинами свои естественнонаучные «кабинеты». Мотивация и образ действий составителей полиглотов XVI в. находят соответствие в деятельности ученых фитографов и зоографов, собиравших в своих книгах описания и изображения флоры и фауны

Из материалов, представленных в «Музее языков», можно заключить, что интерес Гесснера к собиранию языков был в первую очередь коллекционерский, а не

классификаторский. Вопрос выстраивания отдельных языков в виде «естественной системы» его практически не заботил. Но то же самое мы видим и в его книгах, описывающих животных. Гесснер упорядочивал этот материал не как натуралист, а как библиограф (или составитель словарей), давая описания животных в алфавитном порядке, а вместо привычных современному зоологу таксономических рангов (классы, отряды, семейства и пр.) использовал подразделения на разделы и главы¹⁰. В этом также сказался его филологический интерес, и здесь он далек от Карла Линнея.

Чрезвычайно характерна для XVI в. и сама задумка, кажущаяся нам сегодня утопической, — собрать в рамках одной книги и усилиями одного автора сведения обо всех изучаемых объектах, будь то человеческие языки или виды животных. Люди, подобные Гесснеру, действительно верили в такую возможность. Да, мир стал больше, чем полагали древние ученые, но все же это был пока еще небольшой, *обозримый* мир. Дело было до Ньютона с его бесконечной Вселенной, чьи безмолвные и пустые пространства наводили ужас на Блеза Паскаля. Коперник, поместив в центр мироздания Солнце, не раздвинул серьезно его границ, и познаваемый гуманистами XVI столетия мир был едва ли больше нашей планетной системы. Отсюда и их надежда, что одной человеческой жизни хватит на описание многообразия мира. Отсюда и смелость, с которой Гесснер брался за грандиозные начинания — например, составить каталог всех созданных человечеством книг¹¹. Или — каталог всех видов животных (включая, разумеется, и единорогов). Как пишет М.Л. Сергеев, книги Гесснера представляли собой «универсальную карту знаний — от Центральной Европы до южных, восточных и западных окраин Ойкумены» (с. 94).

Кроме книг, похожую функцию в те времена выполняли и музеи, в которых в определенном порядке собирались и демонстрировались как натуралии, так и артефакты. Натуралии должны были представлять все разнообразие подлунного мира, органического и неорганического. Артефакты — всевозможные произведения человеческого искусства и ремесла (монеты, оружие, одежды). Музей-микрокосм, как и книга-микрокосм, были порождениями духа раннего Нового времени, не только убежденного в возможности знать все, но и в том, что полностью укомплектованный музей или справочник отражают план божественного Творения. Эта убежденность перешла и в XVII столетие¹², ее отзвуки чувствуются и в упомянутой выше «Системе природы» Линнея, которую сам автор считал перечнем всех видов животных, растений и «камней» (*lapides*). Впрочем, уже ближайшие интеллектуальные наследники

---

¹⁰ Однако его деятельность как ботаника-систематика оценивается более высоко. Гесснер первым ввел подразделения растительного царства по признакам цветка, плода и семени, пытался ввести фиксированные таксономические ранги (т. е. отходит от «библиофильского» способа классифицирования). И.Я. Павлинов («Биологическая систематика: эволюция идей». С. 49) характеризует это как «значительный шаг от протосистематики к собственно научной систематике».

¹¹ «Универсальная библиотека» Гесснера представляла собой каталог всех книг, созданных на трех классических языках гуманистической образованности. Всего Гесснеру удалось описать около 12 000 изданий, преимущественно печатных (Сергеев М.Л. Музей языков. С. 88).

¹² Ср. название сборника статей об Атанасии Кирхере (1602–1660), изданного под редакцией Паулы Финдлен: «Последний человек, который знал все» (Findlen P., ed. Athanasius Kircher: the last man who knew everything. London, 2004).

Линнея смогли убедиться в том, насколько неполон предложенный им перечень, а задача глобальной инвентаризации флоры и фауны не решена и поныне. В начале XIX в. проекты универсальных энциклопедий, которые были бы написаны одним автором и охватывали всю сумму человеческих знаний, стали вызывать иронию¹³. Идея универсальной библиотеки была доведена до логического предела в мысленных экспериментах Борхеса, чьи «Вавилонская библиотека» и «Книга песка» безжалостно обнажают утопичность подобных начинаний, но, осмеянная, обрела второе дыхание в современной «Википедии» и ее изводах.

Так, знакомясь при помощи книги М.Л. Сергеева с лингвистическими и библиографическими штудиями Конрада Гесснера, мы лучше понимаем и его устремления как натуралиста. Из мелких замечаний, которых у меня в целом очень немного, приведу только одно: таблицы в главе IV лишены заглавий, что затрудняет понимание их смысла.

On polymath people and polyglot books

MAXIM V. VINARSKI

Saint-Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology,
Saint-Petersburg, Russia; e-mail: radix.vinarski@gmail.com

A book authored by Mikhail L. Sergeev, classical philologist working in St.-Petersburg, is the first Russian book exclusively devoted to Konrad Gessner (1516–1656), one of the most prominent and remarkable naturalists of the Early Modern Europe. Gessner is known as a polymath, a man, who managed did research in several fields of knowledge, ranging from natural history to bibliography. The reviewed book is not a scientific biography of Gessner; its scope and aims are narrower. The topic of the monograph is Gessner as a researcher of the diversity of languages, their zealous collector and (partially) systematizer. The subject of the research is a special genre of scientific literature that developed in the early Modern period, the so-called “polyglot books”. They were catalogs of all languages known to their authors, which usually contained examples of texts written in them. Though Sergeev’s book is written by a philologist and for philologists it contains many details and observations which can be of interest to historians of biology. In particular, the book helps us to better understand Gessner as a naturalist, since many of his research practices in the field of linguistics have clear parallels in his activities in the natural history. Both in linguistics and biology, Gessner was a transient figure, whose research attitudes and mode of thinking combined the classical and modern approaches. Through Mikhail Sergeev’s book, we get to know Konrad Gessner’s linguistic and bibliographic studies, and simultaneously we better comprehend his aspirations as a student of flora and fauna.

Keywords: pre-Linnaean taxonomy, the Early Modern science, classification of languages, history of zoology, history of botany, history of linguistics.

---

¹³ У Я. Потоцкого в романе «Рукопись, найденная в Сарагосе», созданном в 1800-е гг., описывается история человека, положившего жизнь написание компендиума человеческих знаний объемом в 100 томов. Этот проект заканчивается трагикомически: готовые к сдаче в типографию рукописи по недосмотру автора уничтожают голодные крысы.